

УДК 09.00.03

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-1-172-180

**ФИЛОСОФИЯ Ф. НИЦШЕ В РАКУРСЕ АНАРХИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ А. БОРОВОГО****PHILOSOPHY OF F. NIETZSCHE IN ANARCHISTIC THEORY:
CONCEPT OF PERSONALISTICAL ANARCHISM BY A. BOROVOY****Г.С. Семиглазов
G.S. Semiglazov**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20Higher School of Economics - National Research University
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

E-mail: dbrhe@mail.ru

Аннотация

Ницшевские идеи, несмотря на возможность их разностороннего прочтения, обладают цельной характеристикой в качестве «аристократического радикализма». Поэтому использование ницшевских концептов в разработке анархического учения выглядит спорным проектом. Однако отталкиваясь от самого наличия такого рода рецепции, перед исследователями встает вопрос, почему философия Ф. Ницше актуальна для анархизма. Данная работа обращается к творчеству русского философа-идеолога анархического персонализма А.А. Борового (1875–1935), на примере работ которого показывается, какие идеи ницшеанской философии являются значимыми для аргументации в пользу анархической теории.

Abstract

This paper focuses on reception of F. Nietzsche's philosophy in anarchistic theory. Nietzsche's ideas, despite the possibility of various and even controversial interpretations of them, are characterized like "aristocratic radicalism" in general. This is the reason why the anarchistic reception of Nietzsche's works looks debatable. However, the fact of anarchistic reception exists and that is the reason to examine it and to find out which Nietzsche's ideas are actual for anarchistic thought. This paper takes into account ideas of Alexey Borovoy (1875-1935), Russian philosopher and ideologist of personalistic anarchism, whose works show how Nietzsche's ideas are used to argue the anarchistic theory.

Ключевые слова: ницшеанство, индивидуалистический анархизм, личность, аристократический радикализм, философия жизни.

Key words: nietzscheanism, individualistic anarchism, person, aristocratic radicalism, philosophy of life.

Философия Ф. Ницше предоставляет исследователям широкие возможности для интерпретаций. Обретая популярность в начале XX столетия, ницшевские идеи, попадая под шквал критики, достаточно быстро находят себе большое количество приверженцев. В текущей работе будет рассмотрена анархическая рецепция творческого наследия философа, поскольку ницшеанская критика морали и государства вызывает большой интерес у последователей социально-политических учений, целью которых оказывается преобразование сложившегося общественного устройства на рубеже XIX–XX вв.

Отметим, что «анархический образ» наследия Ницше поднимает вопрос, насколько правомерно интерпретировать ницшевские труды в подобном ключе. Отталкиваясь от характеристики ницшевского творчества как «аристократического радикализма» – такое

описание дает ему Г. Брандес¹ – возникает проблема, каким образом идеи Ницше могут быть использованы для теоретического обоснования анархического учения, а помимо него, например, и демократической модели общественного устройства [Аппель, 2016]. Хотя ницшеанский сверхчеловек изображается как герой-одиночка, находящийся вне рамок общественных норм и обязательств, сама необходимость государства как социального института, несмотря на критическую его оценку, не отрицается Ницше², поэтому возможность анархической трактовки ницшевского наследия оказывается проблематичной и дискуссионной.

Для ответа на вопрос, какие ницшеанские идеи актуальны для аргументации в пользу анархической теории, обратимся к работам русского идеолога персоналистического анархизма рубежа XIX–XX вв. Алексея Алексеевича Борового (1875–1935), профессора Московского университета (1919–1925), который, начиная с 1906 г., вел активное продвижение анархического учения в своих публичных лекциях и докладах, что позже послужило его исключению из преподавательского состава, а также вызвало ряд конфликтов с властями³. В процессе разработки собственного учения индивидуалистического (персоналистического) анархизма, Боровой критикует родоначальника данной традиции внутри анархической теории – М. Штирнера. Практически забытая к концу XIX столетия штирнеровская работа «Единственный и его собственность» (1844) обрела широкую известность в начале XX в. благодаря обнаружению идейной преемственности между штирнеровской и ницшевской мыслью [Саводник, 1901], вызвав дискуссии о возможном знакомстве Ницше с «Единственным» (1844) и заимствовании им некоторых положений из этой книги – в данной точке соприкосновения и возникает косвенная связь ницшеанства с течением анархизма в его индивидуалистической направленности.

Анархизм Борового относится скорее к философско-мировоззренческому, чем к социально-политическому учению (хотя теме политики и общественного устройства в нем уделяется должное внимание). В отличие от теории классического анархизма в концепции Борового сложно найти расписанную по пунктам анархическую программу – как будет показано далее, данный подход выстраивается на особых философских предпосылках. Здесь персоналистический анархизм близок к ницшеанской философии: несмотря на большое количество заметок по вопросам политики и социальной организации (начиная с ранних работ, например предисловия к ненаписанной книге «Древнегреческое государство» и заканчивая финальной книгой «Ессе Номо» (1888), в которой философ провозглашает себя родоначальником «большой политики»), идеи Ницше нельзя назвать политической философией. Скорее в их совокупности обнаруживается политическая мысль – ключевая проблематика ницшевских текстов вращается вокруг морально-этических проблем, которые также оказываются значимыми и для Борового в вопросах воспитания нового типа человека («человека пробудившегося»).

Рассмотрим определения анархизма, обнаруживаемые в «Анархистском манифесте» (1918): 1) анархизм – учение жизни; 2) анархизм – учение свободы; 3) анархизм – учение равных; 4) анархизм – учение культуры; 5) анархизм – учение любви⁴; 6) анархизм – учение радости.

¹ «Выражение “аристократический радикализм”, которое Вы употребили, очень удачно. Это, с позволения сказать, самые толковые слова, какие мне до сих пор доводилось о себе прочесть. Как далеко этот образ мыслей меня уже завел в моих идеях, как далеко он меня еще заведет – это я почти что боюсь себе и представить» [Ницше, 2007, с. 287].

² «Настоящая цель государства – олимпийское существование и постоянно возобновляемое зачатие и подготовка гения, по отношению к которому все остальное является лишь орудием, вспомогательным средством и подспорьем, способом» [Ницше, 2012, с. 285].

³ Подробнее о нем см. работы Рябова П.В.

⁴ Дополнение к определению: «Он зовет к подвигу, зовет к великому делу, чтобы плоды его собрали не только наши современники, но и будущие, далекие от нас братья. Он зовет к борь-

Исходя из определения анархизма как учения равных, может показаться, что данный тезис полностью отвергает преемственность между ницшеанской философией (для которой важен постулат о неравенстве людей) и анархизмом Борового. Однако необходимо вспомнить, что ницшевский тезис о неравенстве «сильного» и «слабого» человека не несет за собой следствия о неравенстве людей внутри каждой из этих групп. Иными словами, ницшевский имморализм допустим только в отношении людей разных типов: у «сильного» нет никаких обязанностей в отношении «слабого», равно как справедлив и обратный тезис. Например, Ницше полагает, что внутри «сильной» группы ее представители руководствуются идеями уважения друг к другу (а так же *любви к врагу как равному*)⁵, поскольку благодаря общим ценностям, человек чтит в другом самого себя, а значит, и признает равным себе – таким образом, в ницшевской философии возможность равенства не исключается, а кроме того, она является важной регулятивной идеей для функционирования сообщества.

Обратим внимание на то, как раскрывается тезис о равенстве Боровым: «каждый – творец своего дела»⁶, – тем самым отрицается возможность принудительного контроля за человеческой личностью. Данный концепт равенства не является «уравнительным», отказывающим человеку в разнообразии. Скорее, тут постулируется невмешательство внешних сил в развитие человеческих способностей, связанных с изначальной человеческой свободой, которую каждый волен реализовывать по-своему (вопрос о том, приведет ли эта свобода к процветанию или гибели индивида, остается открытым, поскольку самоценностью оказывается свободный выбор, который не обязательно сопряжен со счастьем и благополучием).

Здесь частично затрагивается характеристика анархизма как учения свободы, а также как учения жизни и радости. Свободное развитие человека открывает возможности к многообразию человеческого вида, а значит соответствует и основному требованию жизни в разнообразии своих форм (на что также указывается в работах Ницше, критикующего догматизм как раз с позиции жизни, которой претит утверждение чего-то раз навсегда предельного и законченного). Описание же анархизма как учения радости отсылает нас к одному из главных персонажей Ницше, а именно, Заратустре, провозглашающего в своих проповедях радость становления, пускай даже наделенного страданиями, по образу дионисийского культа Древних греков.

Указанные выше черты анархизма предвосхищают грядущее устройство общества, которое обеспечит каждому человеку равенство в возможностях к творчеству. Здесь необходимо поговорить о двух важных моментах: 1) как реализуется анархический социальный проект Борового; 2) каковы те нормы, которым должен удовлетворять будущий социальный порядок⁷, помимо обозначенного требования свободы личности.

Отвечая на первый вопрос, идеал анархического будущего устанавливается благодаря революционной практике. Боровой отрицает легальные методы политической борьбы, связанные, например, с избирательным правом в парламент и непосредственными

бе, разрушению насильственной системы, но не к мести и бесстыдным самосудам против отдельных лиц» [Боровой, 2009, с. 123].

⁵ Подробнее см. Ницше. Ф. К генеалогии морали. Рассмотрение первое. Пар. 10, 11; Рассмотрение второе. Пар. 2 и др.

⁶ Этот тезис прекрасно дополняют размышлениями М. Штирнера: «Долой же все, что не составляет вполне Моего. Вы полагаете, что моим делом должно быть по крайней мере "добро"? Что там говорить о добром, о злом? Я сам – свое дело, а я не добрый и не злой. И то, и другое не имеют для меня смысла. Божественное – дело Бога, человеческое – дело человечества. Мое же дело не божественное и не человеческое, не дело истины и добра, справедливости, свободы и т.д., это исключительно мое, и это дело, не общее, а единственное – так же, как и я – единственный. Для Меня нет ничего выше Меня» [Штирнер, 1994, с. 9].

⁷ Боровой не отрицает роль общества для развития человеческой личности, почему и критикует анархический индивидуализм Штирнера.

парламентскими реформами. В частности, он исходит из тезиса, схожего с мыслью Руссо, что парламент никогда не может быть носителем общей воли (общая воля должна принадлежать большинству, которое никак не связано с несколькими десятками парламентариев, якобы назначенных для выражения позиции большинства, но на деле захватывающих власть и подчиняющих это большинство себе).

Рассуждая о революционном методе и тактиках борьбы, Боровой выделяет два типа морали, связанные с политическим действием: «Перед нами две морали, две нравственности: мораль постепенщины, мораль осмотрительного и осторожного хода вперед, и мораль революции» [Боровой, 1907, с. 22]. За подобным выделением двух типов моральных ценностей допустимо обнаружить отсылку к ницшеанскому разделению морали на «мораль рабов» и «мораль господ». Мораль рабов, как полагает Ницше, характеризуется реактивностью, массовостью, укорененностью в рессентименте, когда же мораль господ утверждает высшие ценности, требующие дисциплины и самоотдачи, а значит, применимые только к небольшому количеству людей.

Боровой описывает «мораль постепенщины» и «мораль революции» аналогичным образом. «Мораль постепенщины» применительна к усредненному типу человека, для которого важным критерием жизни является стремление к счастью в его утилитарном понимании, а именно, комфорту и удовлетворению потребностей. Отсюда следует осторожное политическое действие, приводящее лишь к минимальным успехам (и то в редких случаях) в социальном положении борющихся групп, но не требующее больших усилий от масс, и не нарушающее общего состояния покоя и «усредненности» отдельных личностей.

«Мораль революции» есть противоположность «морали постепенщины». Революционная мораль являет собой утверждение творческих идеалов, высших ценностей, для которых необходим иной подход к действительности, выраженный в жертвенности, а кроме того, отказе от возможности собственного счастья и комфортной жизни. Боровой рассуждает о «морали революции» следующим образом: «Спасение духа стоит выше спасения плоти. Нет жертв достаточных, которых нельзя было бы принести за него, и нет для спасения духа бесплодных жертв. Они не бесполезны, если гибнут во имя своего идеала. Бесплодные сейчас – они не бесплодны для будущего. На них строится все будущее моральное счастье, все будущие моральные ценности. Эти жертвы – жертвы любви к дальним, любви к своему идеалу – и в их трагической гибели – залог грядущего высшего освобождения духа» [Боровой, 1907, с. 26].

Интересно, что после данного фрагмента идут слова Заратустры из «Предисловия Заратустры», изображающие образ человека, стремящегося к высшим идеалам, но таким образом обрекающего себя на гибель. Кроме того, приведенные слова показывают, что для Борового важна ценность «любви к дальнему», аналог которой присутствует в ницшевской философии. В данном случае это понятный ход, потому что анархическое устройство общества еще только подлежит установлению, а значит, образ его и должен быть тем идеальным дальним, идеалом вообще, ради которого преодолевается современность⁸.

В связи с общей трудностью поставленной цели по преобразованию социально-политического порядка, Боровым предъявляются соответствующие «высшие требования» к отдельным личностям, чтобы те вообще были способны реализовать анархический проект. А именно, «анархизм требует исключительно высокой – этической и технической культуры» [Боровой, 2009, с. 47]. Очевидно, что развитие высшей культуры невозможно без дисциплины и самоотдачи человека своему делу, на необходимость которых указывал и Ницше. Таким образом, «мораль революции» напоминает «аристократический» идеал ницшевской мысли, провозглашающий требование строгого воспитания человека с целью

⁸ В другом месте Боровой называет анархическое мироощущение «идеалистическим», поскольку для него значима роль идеала, которым руководствуется в своих действиях «пробудившийся человек».

преодоления «человеческого, слишком человеческого», на что требуются затраты огромного количества жизненных сил.

Боровой полагает, что высокая культура может быть развита у пролетариата, поскольку данному классу необходимо умение работать с технически сложной машиной, что не может не требовать развития практических навыков и интеллекта в целом, которые, правда, в обществе разделения труда, превращаются в узкую специализацию и уродование человека⁹. За развитием же человеческой личности должна последовать деятельность по преобразованию социального порядка, поскольку, по мнению Борового, отдельная личность не может быть свободной, пока несвободны другие. Кроме того, побудить массы к действию способна фигура вождя, но не вождя партийного, а человека, который сам вышел из масс, разделял с ними образ жизни, понимал, на какие ценности они ориентируются. Поэтому вождь оказывается «первым среди равных» и именно благодаря этому массы способны доверить вождю руководство над собой.

Установление нового общества возможно через революцию¹⁰. Революция, в понимании Борового, есть творческая деятельность, разрушение застывшей формы во имя будущего, личности, жизни в целом, которые есть «вечное становление, [а] личность – постоянно меняющийся и совершенствующийся агент его» [Боровой, 1920, с. 66]. В революции проявляется ницшеанская радость творца, смешивающая в себе два аспекта: с одной стороны, страдание от разрушения старого, с другой – радость и невинность утверждения нового¹¹.

Отказываясь от легальных средств политической борьбы, Боровой признает методы революционные, что вписывается в признание жестокости творческой деятельности. Однако целью радикальных методов всегда должен стать справедливый общественный порядок как таковой, но не отдельные личности (ценность личности для Борового оказывается намного важнее ценности общества; личность всегда цель, общество – средство для ее развития¹²). Например, террор должен быть исключительным ходом, ведь борьба с общественной структурой осуществляется через действия против конкретных людей, не переставая быть причастными идеалу свободы, пускай искаженному внешней властью.

Следовательно, анархическое мироощущение должно стать (в совершенно ницшевском духе) учением избавления от чувства мести, поскольку за революционным актом никогда не должно скрываться желание отомстить своим противникам в борьбе, несмотря на то, что те могли однажды быть несправедливыми и жестокими. Мечь как сильнейшая страсть разрушает как личность того, на кого направляется акт мести, так и собственную личность мстящего, поскольку лишает его возможности «радостного мироощущения» – мечь всегда рискует превратиться в ресентимент.

Требование избавления от чувства мести особым пунктом проговаривается Боровым в качестве неотъемлемых характеристик анархического идеала: «Но "непрощение" не может переходить в недостойное анархиста чувство "мести". Анархизму ненавистны – не люди, но строй, порядок, система, развращающие их. Анархизм не прощает идолопоклон-

⁹ Феномен специализации также критикует и Ницше: «Разделение труда в науке на практике направляется к той же цели, к которой то и дело сознательно стремятся религии: к уменьшению образования, даже к уничтожению его» [Ницше, 2013, с. 361].

¹⁰ «Традиционный метод анархизма может быть характеризуем, как революционаризм. Революционаризм, в противоположность так называемой "реальной политике"» [Боровой, 2009, с. 71].

¹¹ «Творческий акт есть воля к жизни и воля к власти — власти над окружающим. Зодчий сам берет все нужное ему, чтобы осуществить свой план, чтобы выполнить для себя естественное и неизбежное. И океаны жестокости заключены в решимости творца, его революционных открытиях». И чуть дальше: «Насилие и любовь лишь разные стороны одного духовного взлета. Так борьба на высших ступенях есть предварение великой любви к миру. Активность и любовь — неотделимы. И еще более любовность и радостность творческого акта подчеркиваются тем, что творчество всегда есть борьба за будущее, борьба для "дальних"» [Боровой, 2009, с. 116].

¹² «Обратно, общество для личности не есть высшая цель, оно – необходимое условие, средство для всестороннего ее развития» [Боровой, 1920, с. 20].

ства, но не жаждет мстить отдельным людям» и чуть дальше: «Лучшее решение проблемы "мести" и именно в анархическом смысле дано Ницше» [Боровой, 2009, с. 84].

Обговорив метод установления анархического общества, осталось разобраться, в чем непосредственно заключается анархический идеал нового мира. Боровой не дает никаких готовых рецептов, как можно устроить новое общество, потому что итоговый план всегда оказывается противопоставленным постоянно меняющемуся потоку «вечного становления» (анархизм же понимается как учение жизни). Анархический идеал общества напоминает по регулятивной функции категорический императив И. Канта, который также не предлагает никаких готовых моральных требований, кроме самого принципа, по которому может быть оценена та или иная моральная норма.

Отметим некоторые характеристики нового социального порядка, предлагаемые Боровым: «Следовательно, для осуществления анархического идеала нужно искать такой формы сосуществования людей, которая, допуская возможность сношений между людьми, отвергала бы самую мысль о каком-либо внешнем распорядке или регулировании» [Боровой, 2014, с. 26]. В этом требовании Боровой оказывается в целом близок анархизму, главным противником которого оказывается государство с его системами внешнего принуждения и регулятивного властного аппарата, например, в виде полиции. Однако ключевая причина, по которой критикуется внешний распорядок, все же связана с разделяемыми Боровым идеями «философии жизни»: раз жизнь оказывается постоянным изменением, то любой порядок (понимаемый в смысле нормативной структуры, иерархии, бюрократии) противоположен становлению, а значит, представляет собой мертвую форму, не имеющую ничего общего с жизнью. Боровой не изображает утопического общества, к которому движется человечество: идеал может быть реализован, а может быть и нет, поскольку его установление происходит в борьбе, чьим неотъемлемым аспектом является риск, сопряженный возможностью гибели. Анархическое общество не возникает с необходимостью и не является полностью описанной и распланированной утопией.

Персоналистический анархизм, постулирующий неисчерпаемость человеческих возможностей, должен отказаться от установления «конечных» общественных форм, от точного определения и описания того типа общественности, который бы являлся наиболее совершенным его выражением. С этой точки зрения Боровой критикует социализм и анархо-коммунизм, с одной стороны, ставящие общество выше отдельной личности, а с другой – изображающие в конкретно социально-политической программе, как *должен* быть устроен новый мир¹³.

Критика как социализма, так и анархо-коммунизма через требование преодоления «конечных» идеалов, превращающихся в фетиши, в застывшие формы, противопоставляющие себя потоку жизни, напоминает рассуждения Ницше, который упрекает социализм и, в том числе, анархизм ровно за то, что эти социально-политические учения разделяют веру в прогресс, а значит, предполагают движение человечества к предельной цели, по одному вектору развития к наибольшему счастью (а кроме того, счастьем большинства, массы), что оказывается неприемлемым при понимании жизни как гераклитовского потока становления, лишённого телеологии.

Боровой полагает, что никаких содержательных требований к анархическому обществу быть не может, кроме того, что это должно быть «гибкое» общество без иерархии и принудительной по отношению к личностям структуры. Однако, как уже было сказано, такая социальная модель предполагает огромные требования к носителям этого социально-политического идеала – личностям – а именно, они должны обладать высокой этической культурой или же, например, быть свободными от чувства мести. Помимо этого добавим еще следующие императивы, на которые указывает Боровой: «освобождение не

¹³ «Тем не менее, и либерализм, и социализм имеют одинаковые формулы общественного развития с раз на всегда данным определенным содержанием. И тот, и другой имеют свои "конечные" идеалы» [Боровой, 1920, с. 51].

только от государства и полиции, но также от робости, смирения, зависти, стыда, покоя – вот идеал анархизма» [Боровой, 2009, с. 117].

Следовательно, воспитание личности в обозначенных требованиях превращается в утверждение высшего человеческого типа. Данный императив является своеобразным «анархически долгом»: «Анархическое содержание сознания долга, ответственности перед собой, перед светом своей совести – высшее и благороднейшее бремя, которое когда-либо человек возлагал на себя» [Боровой, 2009, с. 86].

Тут возникает вопрос: чем вообще оказывается признание необходимости следования долгу? Чтобы ответить на него, приведем слова Г. Зиммеля, который очень емко характеризует уже ницшевскую мысль по этому поводу: «Ницше постоянно подчеркивает, что ответственность растет вместе с правами; что восходящая жизнь, становясь тяжелее и суровее, становится и более ответственной. Его индивидуализм или персонализм настолько далек от эгоизма, что именно он впервые строго формулировал понятие долга. <...> Таким образом, весь смысл его мнимого себялюбия является лишь сохранением высшего личного достоинства, ради которого он требует неизменной строгости, как по отношению к самому себе, так и по отношению к другим» [Зиммель, 1996, с. 439]. Получается, что необходимость следования долгу оказывается «привилегией» аристократа, не стремящегося распространить свои идеалы на большое количество людей, прекрасно осознающего всю трудность поставленной задачи по утверждению высших ценностей, за которые он несет ответственность на себе. Примечательно, что Зиммель характеризует ницшеанство как «персонализм» – концепцию «персоналистического анархизма» разрабатывает, в свою очередь, и Боровой, в отношении которой также выглядят уместными приведенные зиммелевские слова.

Здесь напрашивается итоговый вывод: проект персоналистического анархизма Борового оказывается не просто идейным наследником «аристократического радикализма» Ницше по рассмотренным выше вопросам, но практически его непосредственным выражением. Если такое сочетание вообще возможно, мироощущении русского идеолога допустимо обозначить как «анархический аристократизм».

От анархизма здесь остается лишь неприятие внешней принудительной структуры в лице государства, стремящегося навязать личности свои собственные ценности, фетишизируя «усредненный» социальный порядок, обывательскую мораль. В остальном же – в требовании следования долгу, необходимости жертвы во имя анархических идеалов, воспитания высокой личностной культуры – Боровой оказывается прямым наследником Ницше, несмотря на то, что ницшевские идеи (как и штирнеровские) справедливо критикуются Боровым за чрезмерный индивидуализм и непреодолимый «пафос дистанции» между атомизированными индивидами, изолирующие личность от общества, являющегося необходимой средой для возвращения человека.

В таком случае, трудно согласиться с тем, что персоналистический анархизм можно назвать массовым движением¹⁴, ведь в изображении Борового анархические идеалы оказываются идеалами высшего типа человека, то есть не человека массы, уникальная личность которого потеряна в «усредненности». Вероятно, проблема заключается в том, что Боровой, используя в своих работах термины «общество» и «масса», не признает сильного различия между этими понятиями, зачастую употребляя их в одном значении.

Однако различие в терминологии все же имеется – известной в философской традиции является критика массового сознания, а появление на рубеже XIX и XX веков массового общества как активной политической и культурной силы вообще расценивается многими философами как мировая трагедия. Неудивительно, что именно благодаря массовому обществу стало возможным установление тоталитарных государств в XX в., что

¹⁴ Сам Боровой полагает, что анархизм должен стать движением масс: «Анархизм, поскольку он является движением масс, а не безответственным романтическим настроением одиночки, великолепно понимает, что необходимой предпосылкой анархической организации является достаточная техническая и моральная культура личности...» [Боровой, 2014, с. 11].

оказывается своеобразным контраргументом против любого допущения возможности широкого распространения «высокой культуры», как ее понимали Ницше и Боровой.

Поэтому тот анархический пафос, который разделяет русский теоретик, оказывается пафосом «аристократа духа». Идеал общества, названный анархическим, является образом человеческого общежития, состоящего из отдельных высокоразвитых личностей, для которых ценности культуры играют ключевую роль и для совместного сожития которым не требуется внешней регулятивной силы в виде государства (потому что новый «пробудившийся человек» носит в себе этические ценности, без которых его жизнь оказывается невозможной). Несомненно, здесь открывается возможность для критики учения персоналистического анархизма, что уже не входит в рамки текущей работы.

Рассмотрение мысли Борового помогло прояснить, каким образом ницшеанская философия используется для обоснования анархической социально-политической теории. Важным достоинством рецепции ницшеанского наследия Боровым можно признать тот факт, что он бережно относится к первоисточникам, не стремясь использовать мысль немецкого философа ради продвижения собственных анархических лозунгов, но в том числе критикует Ницше, упоминая все спорные и противоречивые моменты его философии. Несомненно, мироощущение персоналистического анархизма оказывается далеким от того, что обычно представляется под анархическими учениями. Однако философия Борового, несмотря на выявленные в ней ницшеанский и даже аристократический аспекты, остается пускай спорной, но все же анархической теорией, разделяющей со всеми анархическими проектами отказ государству в праве распоряжаться личностями. Поэтому на место «усредненного» человека, по мнению Борового, благодаря борьбе с принудительными силами, может прийти «человек пробудившийся», являющийся по своей сути «аристократом духа» и которому не потребуются система внешнего контроля, поскольку нравственность и другие человеческие идеалы станут второй природой нового человеческого типа.

Список литературы

References

1. Аппель Ф. Ницше против демократии. СПб: Наука, 2016. 287 с.
Appel F. Nietzsche protiv demokratii [Nietzsche Contra Democracy]. Spb.: Nauka, 2016. 287 p. (in Russian)
2. Боровой А. Анархистский манифест. Библиотека Анархизма, 2014. 3 с.
Borovoy A. Anarhistiskij manifest [Anarchist Manifesto]. Biblioteka Anarhizma, 2014. 3 s. (in Russian)
3. Боровой А. Анархизм. М.: Либроком, 2009. 131 с.
Borovoy A. Anarhizm [Anarchism]. M.: Librokom, 2009. 131 p. (in Russian)
4. Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. Библиотека Анархизма, 2014. 34 с.
Borovoy A. Obshchestvennyye idealy sovremennogo chelovechestva. Liberalizm. Socializm. Anarhizm [Social Ideals of Modern Humanity. Liberalism. Socialism. Anarchism]. Biblioteka Anarhizma, 2014. 34 p. (in Russian)
5. Боровой А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. СПб.: «Голос труда», 1920. 104 с.
Borovoy A. Lichnost i obshchestvo v anarhistском mirovozzrenii [Personality and Society in Anarchist Worldview]. Spb.: Golos truda, 1920. 104 p. (in Russian)
6. Боровой А. Власть. Библиотека анархизма, 2014. 16 с.
Borovoy A. Vlast' [Power]. Biblioteka anarhizma, 2014. 16 p. (in Russian)
7. Боровой А. Революционное творчество и парламент. М.: «Союз труда», 1917. 96 с.
Borovoy A. Revolyucionnoe tvorchestvo i parlament [Revolutionary Creativity and Parliament]. M.: Soyuz truda, 1917. 96 p. (in Russian)
8. Боровой А. Революционное мировоззрение. М.: Логос, 1907. 92 с.
Borovoy A. Revolyucionnoe mirosozercanie [Revolutionary Worldview]. M.: Logos, 1907. 92 p. (In Russian)
9. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

- Zimmel G. Izbrannoe. Tom 1. Filosofiya kultury [Selected Works. Vol. 1. Philosophy of culture]. M.: Yurist, 1996. 671 p. (in Russian)
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 1/1. М.: Культурная революция, 2012. 416 с.
- Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 tomah. T 1/1 [Complete set of works: 13 volumes. Vol. 1/1]. M.: Kulturnaya revolyuciya, 2012. 416 p. (in Russian)
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 1/2. М.: Культурная революция, 2013. 480 с.
- Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 tomah. T 1/2 [Complete set of works: 13 volumes, Vol. 1/2]. M.: Kulturnaya revolyuciya, 2013. 480 p. (in Russian)
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 4. М.: Культурная Революция, 2005. 432 с.
- Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 tomah. T. 4 [Complete set of works: 13 volumes. Vol. 4]. M.: Kulturnaya Revolyuciya, 2005. 432 p. (in Russian)
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т.5. М.: Культурная революция, 2012.480 с.
- Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 tomah. T. 5 [Complete set of works: 13 volumes, Vol. 5]. M.: Kulturnaya revolyuciya, 2012. 480 p. (in Russian)
14. Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
- Nietzsche F. Pis'ma [Letters]. M.: Kulturnaya revolyuciya, 2007. 400 p. (in Russian)
15. Рябов П. Анархическая философия А. Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2010. Вып. 6, с. 24-33.
- Ryabov P. Anarhicheskaya filosofiya A Borovogo (iz istorii russkogo bergosnianstva) [A. Borovoy's Anarchistic Philosophy (from the History of Russian Bergsonianism)]. Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im I Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki ,2010.Vyp. 6, pp. 24-33. (in Russian)
16. Рябов П. Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век, 2/2010, с. 217-225.
- Ryabov P. Aleksey Borovoj i filosofiya Fridriha Nietzsche (iz istorii russkogo nicsheanstva v nachale XX veka) [Alexey Borovoy and Friedrich Nietzsche's Philosophy (from the History of Russian Nietzscheanism at the beginning of 20th century)]. Prepodavatel XXI vek, 2/2010, pp. 217-225. (in Russian)
17. Рябов П. Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философии жизни) // Историко-философский ежегодник, 2013. Вып. 1, с. 416-435.
- Ryabov P. Romanticheskij anarhizm Alekseya Borovogo (iz istorii russkoj filosofii zhizni) [Alexey Borovoy's Romantic Anarchism (from the History of Russian Philosophy of Life)]. Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 2013. Vyp. 1, pp. 416-435. (in Russian)
18. Рябов П. «Былое и думы» Алексея Борового // Человек, 2010. Вып. 3, с. 126-136.
- Ryabov P. Byloe i dumy Alekseya Borovogo ["Pasts and thoughts" of Alexey Borovoy] // Che-lovek, 2010. Vyp. 3, pp. 126-136. (in Russian)
19. Саводник В. Ницшеанец сороковых годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма // Вопросы философии и психологии. М., 1901. Год XII, кн. 59 (IV). С. 560-614; Год XII, кн. V (60). С. 748-782.
- Savodnik V. Nicsheanec sorokovyh godov. Maks Shtimer i ego filosofiya ehgoizma [Nietzschean of the forties. Max Stirner and his Philosophy of Egoism] // Voprosy filosofii i psihologii. M., 1901. Year XII, kn. 59 (IV). S. 560-614; Year XII, kn. V (60). pp. 748-782. (in Russian)
20. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.
- Stirner M. Edinstvennyj i ego sobstvennost [The Unique One and his Property]. Harkov: Osnova, 1994. 560 p. (in Russian)